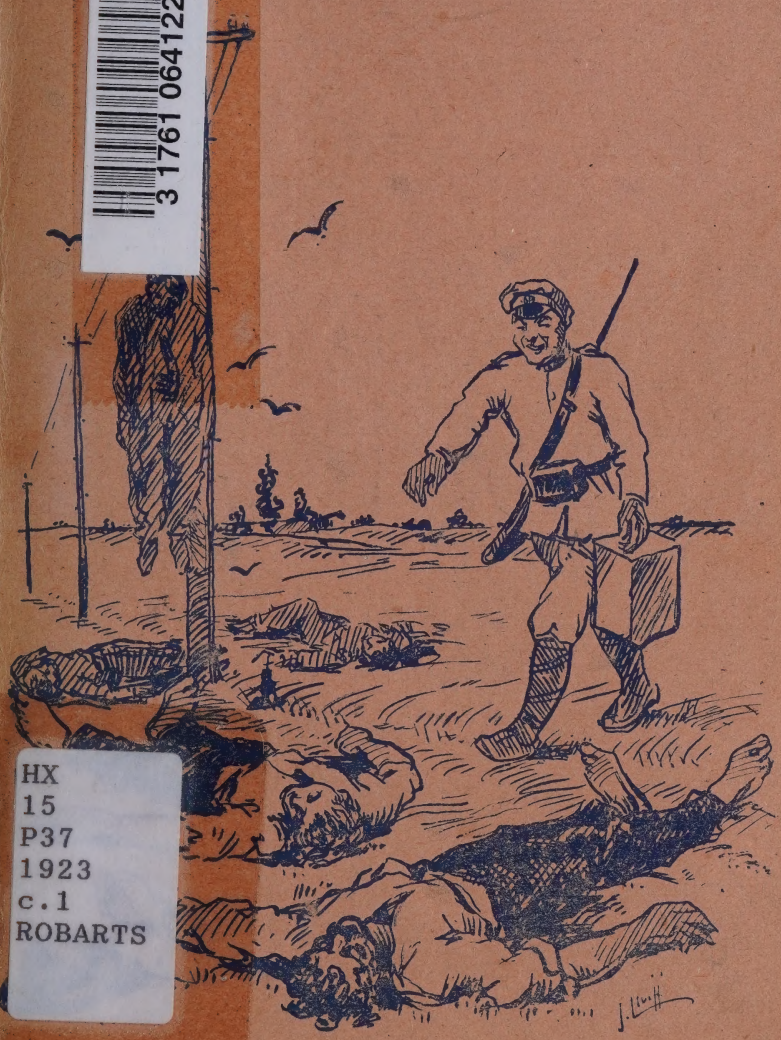
Ус ение Патагонии.



3 1761 06412223 7

HX
15
P37
1923
c.1
ROBARTS

П. Гладченко
1924 г. г. Чикаго

№ 6.

Освобождение трудящихся
есть дело самих трудящихся

ПАТАГОНИЯ

(Кровавые события 1921—1922 г.г. в Аргентине).

ИЗДАНИЕ
Рабочей Издательской Группы в Аргентине

1923 г.

Тип. „Гол. Труда"

LIBRARY
OCT 13 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

Курт Вилькенс.

На смерть Вилькенса.

Тихий, спокойный ты мечтою носился
О жизни без рабства, о жизни без слез,
А кругом кровь трудящихся лилась рекою,
Власть нагоняла на всех ужас и дрожь.
И ты задрожал. Мечтою носился о лучшей ты жизни,
Где люди будут братья, равны,
А в душе клокотала боль за родимых,
За рабочих гибших в далекой степи.
Ты видел их трупы, распластанные в поле,
Ты видел детей согнанных в лесу,
Ты слышал стоны матерей и детишек, —
Их убийцу ты видел в дыму...
Ты знал что убийцы в палатах пируют,
Победу празднуют свою над трудом,
Ты знал что властители рукою преступною,
Расправлялись с рабочими огнем и мечем.
И с больною душою ходил ты по миру,
Взором желая найти свет во тьме,
Почувствовать жизнь, бьющуюся в грудях,
Солидарность увидеть хотел на земле.

* * *

Но молчали трудящиеся немою могилой,
Погрязли в тине желудка они,
И с мукой душевной ты взялся за бомбу,
Чтобы убийцы проснулись, пробудились рабы.
Не с жаждой кровавою шел ты на дело,
Не кровь Варелы увлекала тебя.
В Вареле ты видел представителя Власти,
Кто посеял ужас и смерть на земле.
Как тень ты ходил по следам зверя жизни,

Искал мгновенья чтоб его поразить,
Но ребенка увидел, и ты не решился, —
Не хотел ты невинной крови пролить.
Чистый душою, с мечтою о братстве,
Символ анархии носил ты в душе,
И дело кровавое свершая над зверем,
Ты душу чистую сохранил все ж в себе.
Велик ты был Вилькенс! Только сильный душою
Способен жизнь так нежно любить, —
У края могилы, с материнской любовью,
Жизнь невинную щадить и хранить.

* * *

Свершил ты... Он умер... Ты лежал
Обезсиленный у власти в тюрьме...
Кругом тебя звери скрежетали зубами,
Всеми карами угрожали тебе.
Но ты был счастливый: не убил ты ребенка,
И сам, как ребенок, предстал пред судьей,
Чистою правдою, душою открытою,
Ты оказался сильнее власти земной.
Вилькенс - убийца, анархист-иностранец,
Человек лишенный права уж жить,
Завладел умами, чистотою душевной
Сумел врагов своих покорить.

* * *

В сне беспокойном ты видел любимую,
В далекой стране ждавшую тебя.
Тебе снились друзья и жизнь свободная, —
Свободу и равенство лишь знала земля...
Вдруг, во сне услышал зовут твое имя,
Кто-то показался в откосе дверей,
И с улыбкой ты встретил подлого труса,
Которого не знает ни один вид зверей.
Я — Вилькенс... сказал ты и грянули стены,
Раздалося небо и огонь в грудь попал,
Что-то вдруг с болью рванулося в сердце,
В кровавом огне ты весь запылал...

* * *

Ты умер товарищ. На посту ты погиб.
И не ликованье, не радость ты вызвал в стране:
Бомбой ты, небо, своей осветил,
Смертью ты бурю зажег на земле.
Пусть празднуют звери свой праздник звериный,
Пусть радость клокочет в груди у властей, —
Правители все, лишь, на убийство способны,
Кровь и слезы оставлять за собой.
Но не слезы ты вызвал. Кровь ты всю отдал,
И из крови ростут в душах цветы:
Бутоны свободы и равенства всходят,
Распускаются мглою рассветной мечты.
Спи ж спокойно, товарищ! Твои братья по делу
Знамя подымут, что упало из рук,
И с верой в победу, что им завещал ты,
В бой за анархию смело пойдут.

17 Июня 1923 г.

Анатолий Горелик.

Самопожертвование Вилькенса

Ни в какой партии, ни в какой революционной тенденции нет столь высокоразвитого духа самопожертвования и такой склонности к героизму, как в рядах активного анархизма. Вся история анархического движения есть одна нескончаемая эпопея, один величественный гимн бунтарскому духу эмансипации, самоотречения, отказа от индивидуальной пользы на благо и величие угнетенных масс; мартиролог переполненный наисвятейшим героизмом; страница которая показалась бы легендарной, если бы нам не приходилось в действительности ежедневно видеть, переживать и с гордостью чувствовать солидарность, которая об'единяет нас с самоотверженными героями идей свободы, справедливости и равенства. Типы, которые так часто встречаются в анархических рядах, можно только встретить или в легендах, или в романтической литературе. В среде анархистов существует высшая мораль, понятие добра, красоты и справедливости, которые люди, зараженные ядом капиталистического общества, не способны понять и оценить именно потому, что эта мораль, сама по себе, есть один из самых важных доводов против постоянного беззакония режима бесчестия, в котором мы теперь живем.

Один аргентинский товарищ разделял всегда анархизм на две части: на анархизм героический и анархизм теоретический или философский. Он был всегда за последний и заявлял, что первый достоин восхищения только в истории, но в настоящее время не имеет никакого смысла, опасен и вреден для ра-

волюционного движения и изо-дня в день уступает место волне нового, философского мечтательного и разсудительного анархизма.

Этот товарищ, о котором мы говорили выше, с большим удовольствием хотел бы видеть абсолютное отделение анархизма философского—теперь называемого новым—от анархизма героического, который заполняет всю нашу историю. Но это подразделение не совершится. Анархист не есть только сторонник наиболее полной свободы своего «Я». Он есть так-же человек, который чувствует на своем собственном теле несправедливость, жертвами которой являются и его ближние, и которое не может быть отделено от его импульсов (побуждений), его восприимчивости и его влечений сердца. И если бы даже подразделение совершилось,—анархизм потерял бы свои наиболее важные и характерные особенности, которые являются залогом борьбы и освобождения: боевой и героический дух, увлечение его последователей на самопожертвование за справедливость и коллективную свободу.

Не чисто литературный философский анархизм. Ему мы уделяем все наши силы, но не можем в то же самое время, не признать того, что без того, что вышеназванный товарищ называет старым или доисторическим анархизмом, пропаганда литературно философская была бы как тело без души, или правильнее говоря, наоборот: душа без живого организма, способного оживлять, воплощать и превращать осязаемые реальности и действия, и показал-бы народу то, что отдельный индивид способен воспринять абстрактно (рассудочно).

Нет, не в природе идеи анархизма подразделяться в человеке на две независимые части, как ценности сами по себе взятые в отдельности: философскую и сантиментальную (чувствительную). В анархизме гармонируют обе эти части, как одно цельное, неразделимое: жизнь умственная и жизнь чувственная анархизма составляют одно и то же выраже-

ние. Сердце оживляет и побуждает ум, и наоборот. И, если это—правильно, ничто не должно нас удивлять что чувства также говорят в анархизме и имеют свое право на существование, хотя иногда логика и не понимает языка сердца. Наперекор всяким разсуждениям мы утверждаем, что, пока старый анархизм существует, жизненная сила не перестает бежать по артериям (кровеносным сосудам) нашего движения и усиливает ряды сеятелей, апостолов и учеников свободы. Героический анархизм есть всегда новый анархизм.

Курт Вилькенс есть один из представителей героического анархизма. Человек большой культуры, он в то-же самое время Франциск Ассизский, по своей тонкой чувствительности и неутомимый и бескорыстный защитник-пропагандист идей, которые он исповедывал. Примерной жизни и нравственности, даже криминалист из школы Ломброзо не смог бы определить его ни в одну из категорий преступников. Абсолютная нормальность и правильность мысли у него вне всякого сомнения. Единственная ненормальность, которая всегда замечалася в Вилькенсе это его чрезмерная доброта, чрезмерная искренность и чрезмерное безразличие к своим личным печалям и лишениям. Люди как Вилькенс в капиталистическом обществе--больше чем редки, они—исключения, почти что чудовища. Даже в самой анархической среде, Вилькенс выделялся как идеал морального совершенства. И следовательно никогда официальный буржуазный и политический мир не поймет величие мстителя «разбойников юга». Мы не сторонники излишней похвалы и ее не употребляем. Но говорить о Вилькенсе с энтузиазмом не есть обожествление, не есть возвеличение его на п'едестал, потому что примерность и самоотречение его жизни были выше всяких похвальных песнопений. До, как и после, знаменитого акта, Вилькенс был для нас об'ектом наиболее сильного удивления и наиболее искреннего признания,-мы уважали его как живой

идеал высокой нравственности и благородства. Его повседневная жизнь была так полна духом самопожертвования, что его последний жест нам не раскрыл ни одного нового качества в нем.

Год слишком тому назад, после того как он вышел из подземной тюрьмы Б.-Айреса, где он находился в течении нескольких месяцев в ожидании депортации (высылки из страны), он поступил на работу, которая еле давала ему на плохое пропитание. В тюрьме он познакомился с некоторыми товарищами, о которых, по его мнению не достаточно заботились, и из своего скудного заработка — оставаясь полуголодным, а большую часть дней и совсем не кушавши—он бежал в национальную тюрьму делить между заключенными остатки от своей бедности. И это он делал, не говоря ни слова никому и без того чтобы сами заключенные товарищи подозревали что означала эта бедная помощь, которую им приносил Вилькенс. О своих собственных печалях и невзгодах Вилькенс не жаловался никогда даже своим интимным друзьям. Нужно было догадываться о его страданиях, так как он сам о них не говорил. Еще больше, был настолько нечувствителен к своим лишениям, насколько чувствителен к горестям других.

Ничто больше не чуждо его натуре, как террор; его культура, его чувства отталкивали этот способ пропаганды. Убийство полковника Варела не есть, никоим образом, террористический акт, совершенный экзальтированным или фанатиком. Вилькенс действовал с вполне чистым сознанием и в полном понимании своей ответственности и значения своего акта. Это то что не должно быть забыто нами и мы не должны допустить, чтобы другие этого не знали. В своих показаниях он доказал вполне, что он не есть безсознательный экзальтированный. Защиту которую должны взять на себя анархисты есть смысл акта самого по себе, не обращая ни малейшего внимания на предразсудки и другие юридические тонкости.

Вилькенс уже осужден классовой юстицией, и мы не должны—и Вилькенс также не согласится —прибегать к смягчающим вину обстоятельствам, которые опытный адвокат смог бы найти в кодексе о наказаниях. Необходимо защищать этот акт со всех точек зрения; делать себя ответственными везде и повсюду с мстителем рабочих Патагонии, требовать что бы уважалась неподкупность его совести.

Вилькенс убил полковника Варела, как всякий человек с человеческими чувствами убил бы вредное животное, которое было-бы опасно для человеческого общежития.

Акт Вилькенса не есть акт террористический, не есть плод какой бы то ни было конспирации, не был совершен чтобы повлиять и напугать правящие классы. Полковник Варела был страшнейшим преступником по отношению к рабочим и Вилькенс, который был сильно возбужден трагедией «разбойников юга», лишил его жизни, действуя серьезно и выпоняя этот акт, как свою человеческую обязанность. Нельзя рассматривать этот акт, как акт убийства Дато в Мадриде например, или как бомбу в театре Диана в Милане. Систематический террор, употреблявшийся испанскими товарищами в течение 1920-21 г.г., не имеет нашей теплой и солидарной симпатии. Мы не видели смысла в ежедневном убивании хозяев, ни верили что бы этот метод имел действительную революционную сущность. Мы не порицаем убийство Дато, но так-же мало его одобряем. Дато был политик, который, по своей злобе, не превосходил среднего испанского политика. Могли его убрать только потому, что он был председателем совета министров, не делал ничего полезного для дела революции, не выявил не одного морального жеста, который мог-бы заслужить симпатии масс. Мы знаем, сколько бы не гибло тиранов, тирания останется в силе, ибо не личности, главным образом, являются виновными, а условия в которых они находятся. Из современной истории террора в

Испании, особенно один акт вызвал искреннейший энтузиазм: смерть Браво Портилло, инспектора Барселонской охраны. Браво Портилло сделал себя ненавистным народу своими бесконечными невыносимыми издевательствами и произволом. Был ненавидим до крайности. Узнав что он погиб настигнутый местью, вся рабочая и страдающая Испания вздохнула свободно и была благодарна справедливой руке, которая ему отомстила.

Знаменитая бомба в театре Диана в Милане есть типичный акт террора. Он был совершен боевой анархической молодежью, и союз анархистов Италии и Малатеста резко критиковали этот акт. Мы не разделяли критики анархического союза Италии и Малатесты, но и не оправдывали этот акт. Мы его понимали. Мы подумали над причинами, которые его вызвали и солидаризировались с жертвами дикого процесса в Милане. Чтобы спасти этих товарищей мы должны испробовать все возможное, без того чтобы оно означало оправдание трагедии в театре Диана.

Но жест Вилькенса так-же, как и акт Радовицкого, не входит в классификацию обыкновенных террористических актов. Ни один рабочий Аргентины, ни одного момента, не сомневался, никто не ставил себе вопроса, должен ли он солидаризироваться с Вилькенсом или нет. Немедленно, как только стало известно о смерти Варелы, все пролетарские сердца радостно забились и выразили, тут-же, свою солидарность и восхищение мужественным товарищем, который пожертвовал своей жизнью, чтобы отомстить страшное преступление, жертвами которого стали рабочие этой области. Симпатия к Вилькенсу—не умственная; она создалась внезапно, из сердца, не омраченная ни малейшей тенью сомнения.

Акты чисто террористические не встречают такой единодушной и такой искренней солидарности, как ту, которую встретил Вилькенс среди рабочих Аргентины.

Воспоминание об ужасных репрессиях, которые последовали в 1909 г. после убийства Фалкона, могло оправдать некоторую боязнь в рабочем движении Аргентины, некоторое колебание в выражении чувств, которые вызвало в них убийство Варелы. Некоторая воздержанность не могла бы быть критикуема. Но думать, что анархисты обуздают свой энтузиазм и спрячут свои чувства перед вызовом и террором реакции, было бы оскорблением для истории революционного движения Аргентины.

Тем не менее, если жест Вилькенса велик и благороден, то не менее велика и благородна солидарность и симпатия с которыми этот жест был встречен по всей стране. Так велика была единодушная радость, с которой рабочий класс встретил смерть Варелы, что полиция не осмелилась пустить в ход свои обычные приемы, ни продолжать свой утонченный террор.

Было бы жаль, если-бы для предполагаемой легальной защиты, этот прекрасный акт был бы извращен. К каким способам будет прибегать юридическая защита Вилькенса? Будет трудно найти смягчающие вину обстоятельства в классовой юстиции; законы—определенны, и поступок нашего товарища должен быть респектирован (уважаем) и защищаем. Так как он уже осужден заранее, мы не должны обращаться к другим источникам, как только к солидарности выражаемой пролетариатом и к защите акта самого по себе. Не может же буржуазная юриспруденция признать справедливыми акты, как—Вильменса!

Вилькенс превратился так внезапно в народного героя, что вожди реформистских, или псевдо-революционных рабочих организаций, как *U. S. A.*, не могли, не рискуя стать непопулярными, не следовать за волной всеобщей симпатии к доблестному товарищу, и, нехотя, должны разыгрывать комедию большого интереса в спасении Вилькенса из когтей буржуазной юстиции. Так же поют хвалу нашему доро-

гому другу коммунисты,—они, кто солидаризируются с преступлениями русского правительства, с расстрелом Льва Черного и его товарищей и с уничтожением цвета русской революции. Коммунисты не хотят ничего другого, как иметь возможность эксплуатировать коллективное чувство, и им не много стоит возносить Вилькенса и делать вид, что готовы предпринять какие то шаги в его пользу. Так же кой-какие, представители либеральной буржуазии и, может быть, буржуазные политические партии примкнут к разыгрыванию комедии симпатии к Вилькенсу. Обыкновенно использовывается такое состояние духа, для создания смешанного комитета из всех заинтересованных фракций, который после нескончаемых и скучных споров и дискуссий, распускается, не дав никакого полезного результата; в таковом комитете, анархисты лишь убедятся еще раз, что они обмануты в своей неизлечимой доброй вере. Неужели случится то-же самое и в данном случае? Мы не можем нанести оскорбления ни Вилькенсу, ни нашим идеям и выпрашивать его свободу в обмен на позорные ошибки и обещания. Нет такой политической силы в Аргентине, которая ценою уступок, не сотрудничала бы с анархистами в освобождении мстителя жертв Санта Круса. Но такой ценою, мы не желаем свободы Вилькенса, и он так же этого не захочет. Верим, что защита Вилькенса сможет создать единый фронт революционного пролетариата, всех честных революционных рабочих, и мы сможем с этим себя поздравить. Между прочим, по нашему мнению, было бы ошибкою выдвигать или принимать участие в формальных переговорах об этом. Пусть образуется единый фронт в практическом действии. Анархисты не отступят никогда ни перед какой опасностью, когда дело будет идти о спасении своего нового Радовицкого,—они будут всегда готовыми для защиты этого дела и об'единят на деле всех людей доброй воли, и тем докажут серьезность своих чувств к товарищу Вилькенсу.

Но мы рассчитываем только на свои собственные силы.

Никто не может обвинить нас в безразличии к судьбе этого товарища. И, тем не менее, нашей обязанностью было-бы отказываться от всякого формального компромисса, из желания его защиты, с организациями которые не могут стать солидарными, как только под силой обстоятельств, или из утилитарных (полезных) целей с героическим актом Вилькенса.

Впору, напомним случай с процессом в Анконе в 1898 г., в котором большое количество товарищей, среди них Малатеста, должны были судиться по знаменитой 248 статье, как сообщники злодеев. 3.000 анархистов подписали заявление, в котором об'явили себя виновными в том же самом преступлении, в котором обвинялись заключенные. С тех пор не возвращаются, к использовыванию формулы соучастия в злодеяниях, в процессах против социализма и анархизма. Была одержана большая победа.

В Аргентине имеется не только три тысячи, а тридцать тысяч анархистов, которые с удовольствием потребовали бы у судей, как Гори в вышеназванном процессе, честь сесть на скамье подсудимых вместе с Вилькенсом. Если исполнитель, в убийстве Варелы, был один, то признающих справедливость этого убийства миллионы. Эти миллионы людей, которые сделают себя ответственными морально, которые солидаризируются перед буржуазной юстицией с Вилькенсом, могли-бы заставить церберов капиталистической и государственной законности поднять глаза с Кодекса (книги законов) и взглянуть на действительность.

15 Марта 1923 г.
Берлин.

Д. А. Сантижан.

———:-:———

ПАТАГОНИЯ·

Со слов одного депортированного.

Ввиду малой осведомленности о нашем движении на юге Аргентины, о качественном и количественном составе его участников, равно как и об исключительных условиях его развития, мы не были в состоянии рассеять туман клеветы, которым окутали это движение буржуазное общественное мнение и лживая пресса. Мы вынуждены были терпеливо ждать данные и подробности его возникновения и пути дальнейшего его развития, с тем, чтобы с фактами в руках опровергнуть эту гнусную ложь, которую с таким усердием распространяют рыцари желтого ордена и досужие писаки.

Север гораздо ближе. С ним мы связанны сетью железных дорог и правильно функционирующей почтой, что дает нам возможность быть в постоянном общении с нашими товарищами. Север нам знаком и не окутан туманом. Он в поле нашего зрения, почти как Буэнос-Айрес. Буржуазная печать не пытается даже обмануть нас на счет характера любого движения на севере, ибо север находится под нашим бдительным оком.

Но юг, товарищи, юг ведь так далек!.. И, не будучи настолько осведомленными о нем как о севере, на наш счет могут злоупотреблять всевозможными легендами, тем более, когда в основе этих легенд есть и некоторая доля правды.

До последнего времени юг для всех решительно из нас оставался во мгле тумана, а для подавляющего большинства он и теперь еще является книгой за семью печатями, в силу чего теперь, в этом очерке, постараемся бросить луч света в это темное царство.

Патагония. Территория Санта-Круз.

Единственная связь с этой областью поддерживается при помощи немногих портов, немногих потому, что побережье Патагонии вообще не богато местами годными для оборудования гаваней для судов. Попасть туда можно лишь водным путем за отсутствием железных и других дорог.

Населенные пункты почти все расположены по побережью, а местами вдаются и несколько глубже в материк.

До основании Анд чередуются громадные незаселенные и неисследованные пространства.

А вдоль Кордильер, в самих Кордильерах и по отрогам их тянутся беспредельные области долин, местами образующие маленькие пампы (степи)? Громадные же пространства вечных снегов знакомы лишь немногим смельчакам, побывавшим в этих местах.

Климат здесь суровый. Постоянные ветры и ураганы мешают росту деревьев, так что нет там ни лесов, ни топлива. Пресной воды тоже недостаточно, в особенности, у берегов и вглубь материка.

Дороговизна в городах баснословная и на скотобойнях в Рио Гайегос введена система кормежки рабочих на фабрике. Администрация ввозит все продукты безпошлинно из Европы.

Главная, и почти единственная, промышленность —овцеводство и коннозаводство. Шерсть этих овец, наилучшая в стране, вывозится оттуда непосредсвенно заграницу.

По своему географическому положению, и по некоторым другим причинам, Санта Круз ближе и более связан с Чилией, через Пунта Аренас, нежели с Буэнос Айресом.

Рабочее движение и борьба с эксплоатацией капиталистов также следует по той же линии. Боль-

шая часть рабочих--из Чили, и оттуда же привозят стачколомов.

Что же касается полевых рабочих то ориентировка и организация последних скорее напоминают движение Чили и Патагонии, чем наше местное.

Но об этом поговорим ниже.

Компании. Крупные фермы.

Эксплоатация края производится несколькими крупными обществами. Среди них особенно выделяются: „Сосиэдад Анонимо Меркантиль“ и фирма Мэнендез, король юга, (начиная от Пунта Аренас), основатель которой,—„вечная ему память“—умирая, завещал испанскому королю Альфонсу XIII-му миллионны. Имеются также некоторые крупные собственники—землевладельцы, которые сами не живут здесь, а пребывают „неизвестно где“ и их заменяют „администраторы“.

Правительство продало, или отдало им в вечное пользование громадные пространства земли. Есть общества-владельцы несколькими имениями и безсчетным количеством стад. Эти имения расположены несколько дальше побережья и тянутся на сорок и больше легв (легва—5 километров). Для передвижения большей частью употребляются автомобили—грузовики. Скот-же гонят пешком. Все оборудовано здесь (в промышленности конечно) по последнему слову техники. Стрижка овец производится машиной.

Есть также и небольшое количество мелких помещиков-фермеров.

Полевые рабочие в Патагонии.

Так как главное занятие здесь скотоводство, то само собой понятно, что и образ жизни местных работников—пастушеский. Тем не менее, жизнь, здесь,

в степи существенно отличается от жизни северо-аргентинских пастухов, которую так красочно описал Сармиенто.

Из полевых рабочих находящихся теперь в Патагонии, не все были такими прежде. Подавляющее большинство из них — выходцы из Чили, из Европы и т. д. Народ стойкий и энергичный. Усталые от убийственной и рабской городской поденщины и не желая продолжать эту жалкую жизнь раба в прибережных местечках и населенных пунктах, они ушли на эстансии (фермы), в поисках свободы и простора.

Это далеко не тот тип, что на Севере, — раб и слепое орудие помещика, которым последний всегда пользуется для достижения политических и прочих своих целей. А наоборот, это — тип прогресивный, часто помогающий даже городскому пролетариату. Среди них есть и люди с образованием; есть бывшие городские рабочие, многие из коих ненавидимые хазяевами за свои идеи и убеждения, вынуждены были уйти в Патагонию, предпочитая здоровую и мужественную жизнь полевого рабочего, неестественной жизни фабрично-заводского пролетария.

Погонщики. Укротители.

Погонщиками (ариерос) называют здесь людей, занимающихся перегонкой скота с одного места на другое. Это занятие требует точное знакомство со всей Патагонией. Жизнь эта суровая, но зато и независимая. Погонщик знает очень хорошо всю Прикордильеру и Кордильеры (южно-американская горная цепь), все долины, пещеры и проходы. Он и его стадо, затеренные, как пятно в степях Патагонии, благополучно прибывают к месту своего назначения. Это могут сделать только специалисты, знающие местность как свои пять пальцев.

Это — типичное повторение занятия гауча (укро-

тителя степных табунов) предпочитается всеми заброшенными туда трудящимися. Погонщики—по большей части анархисты, и представляют собою наиважнейший элемент экономической жизни Патагонии.

„Укротитель" (мансеро) занимается укрощением диких лошадей и превращением последних в вьючные и верховые. Труд и занятие „укротителя", „погонщика" и „овчара" предпочитается всеми революционными натурами, любящими свободу и независимость.

Рабочие организации в Рио Гайегос и имениях.

Есть в Рио Гайегос локальная рабочая федерация, принявшая принципы старой федерации 5-го Конгреса, ошибочно именующейся коммунистической. Мы говорим „ошибочно", ибо она не проповедует принцыпов Коммунистического Интернационала, а революционного синдикализма и анархо-коммунизма. Организация в Рио Гайегос была сравнительно слабая, но получала подкрепление в лице делегатов от полевых рабочих. В последнее время при ней даже оборудованы школа и библиотека, опять-таки при помощи полевых рабочих. Однако, полного контроля над организациями в имениях, федерация не имела.

Об этой организации полевых рабочих стоит поговорить. Рабочие организованы по имениям только устно.

На крупных фермах, где есть много рабочих, существуют суб-комитеты, компетенция которых распространяется на 10-12 имении. Исполнительная комиссия назначает районного раз'ездного делегата, который периодически снабжает свой участок циркулярами, брошюрами и книгами, поступающими от федерации в Рио Гайегос. Несмотря на громадные расстояния и на сильный холод, орган федерации, „1-ое

Мая" распространялся довольно широко и регулярно. Эта форма организации (суб-комитеты) дала очень хорошие результаты. Это есть способ приучить рабочих сделаться независимыми и избавиться от попечительства—до известной степени вредного—всяких „центров".

Суб-комитеты принимают меры против торговцев спиртными напитками и против карточной игры, вследствие чего, рабочие, оставляя эти пороки, берутся с большим интересом за чтение.

Столовая рабочих одновременно служиила и помещением для их собраний. Каждый вечер, за ужином, там обсуждались и разбирались насущные вопросы дня и давались инструкции делегатам рабочих, перед администрацией. В столовой расклеены воззвания, и манифесты присущие рабочему локалу. Чувствовалось доверие и сердечность.

Так, по крайней мере, продолжалось до недавнего времени.

В всеобщей забастовке, прошлого года (1920 г.), когда буржуазная пресса уже успела окрестить их „бандитами Юга", — рабочие одержали полную победу. Один из пунктов, представленных хозяевам, требовал безплатного содержания в течение 24-х часов каждого путешественника, во всех имениях или постах. Это требование несомненно—одно из важнейщих для всех рабочих, без исключения, так как хозяева упразднили было давно заведенный в стране обычай, не отказывать человеческому существу в гостеприимстве. Разумеется, конечно, что хозяева ни на миг не переставали думать о сопротивлении и реванше.

МИСТЕР „КОТЕЛОК" (ГАЛЕРА).

Мистер „Котелок" удостоился этого названия, ибо он был единственный человек в Рио Гайегос, который вечно щеголял в котелке (твердой шляпе).

Мистер „Котелок“ — североамериканец и управляющий „фригорификой“ (скотобойней и консервной фабрикой).

Федерация в Рио Гайегос заступилась за рабочих этой фабрики и, при содействии погонщиков, прекративших доставку скота на бойню, вышла победительницей из этой борьбы. И господин Котелок также подумывал о реванше.

Но мы его пока оставим в покое, а поговорим о других.

Разбойники. Полевые рабочие. Стимулы реакции.

В Санта Круз и дальше на севере, в кордилье рах, когда-то водились „разбойники“, вернее конокрады, легендой о которых теперь злоупотребляют. Обыкновенно они спускались с гор раз в год, а если они нуждались то и чаще и уводили чужой скот. Теперь же осталась одна только небольшая шайка этих „скотогонов“ на севере Чубута. Из Санта Круз они исчезли уже более шести лет.

Куда девались эти элементы?

Они все ушли на полевые работы, в имения, куда их привлекли труд, дух солидарности и товарищеская спайка. Они бросили удел молодецкую и набеги и стали честными труженниками. Их очень мало и они беззаветно преданны своим товарищам — другим полевым рабочим.

В числе полевых рабочих имеются бывшие арестанты каторжной тюрьмы Усуайа, Огненной Земли.

Судьбу этих последних, остальные организованные рабочие приняли близко к сердцу и, во время последней забастовки в имениях, оставили их на своих местах, с тем, чтобы, как не примкнувших к забастовке, полиция не тревожила их и не заставила бы вернуться к прежней жизни за тюремной решет-

кой. Однако войска, их (как и женатых, которым также разрешили остаться в имениях) расстреливали, выдавая за пойманных разбойников.

РЕАКЦИЯ. ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА.

Поход против рабочих, начавшийся в прошлом (1921) году, стимулировавшийся и поддерживавшийся столпами реакции в лице фирмы Мэнэндэз, Анонима-Меркантиль, Мистер „Котелок" и др. крупных помещиков, завершился военной экспедицией.

Начались массовые аресты и принудительное выселение рабочих из гор. Рио Гайегоси из пределов провинции Санта Круз. Насилия и произвол свирепствовали по всему побережью и везде, где только достигала рука власти.

Союзы и секретариаты громились, а вся обстановка, все принадлежности и типографии при них расхищались. Федерация в Рио Гайегос имела собственный автомобиль и прекрасную библиотеку, которые тоже были захвачены полицией. Поход, задуманный землевладельцами и их атаманом-президентом в Буэнос Айресе, преследовал одну единственную цель, а именно—полнейшую ликвидацию рабочего движения, путем истребления передовых рабочих и разрушения революционных союзов и синдикатов Патагонии.

В силу всего этого рабочие города были вынуждены об'явить забастовку, а их примеру последовали, конечно, и полевые рабочие.

События в Санта Крузе. Со слов участника.

—„Город Наталэс, в Чили, Января 20-го 1922 г.

Здравствуй дорогой друг и товарищ!

Пишу тебе настоящее письмо, чтобы познакомить со своей жизнью, которую чуть было не потерял. А также, чтобы нарисовать тебе картину, ин-

сценированной помещиками, ужаснейшей бойни рабочих „доблестными“ и „победоносными“ аргентинс ким войсками' покрывшими себя венцом „славы“ и пропитанных кровью рабочих, подаривших стране „мир и спокойствие“ и избавивших территорию Санта Круз от „бича божьего“,—ужасных воровских шаек и разбойничных банд. Мир и покой вам гуманные и добродетельнейшие толстопузы захватившие девять десятых этой территории. Вам ненасытным захотелось утолить кровью честных рабочих свою чрезмерную жажду после того, как честный пот оказался для вас недостаточным.

Может быть потоки пролитой вами невинной рабочей крови принесут вам облегчение.

С декабря месяца, после двух ран, полученных мною в „грозной“ битве в Пунта Альта, я нахожусь в гостеприимном чилийском городке. Но прежде чем перейти к подробностям этой трагедии, укажу на причины обусловившие неудачу этой забастовки. Я мог бы тебе сказать просто: „нас спровоцировали“, но я хочу указать тебе на некоторые детали и предшествующие подробности для того, чтобы дать тебе возможность самому составить себе правильное суждение о нашем преступном поведении.

В сентябре месяце прошлого года, три или четыре темные личности, от'явленные лодыры и паразиты, враги черного труда и любители легкой наживы, но всегда выставляющие себя рабочими и ярыми защитниками рабочих интересов, поставили себе целью обмануть полевых рабочих и вовлечь их в революционную авантюру,—другими словами—толкнуть их на путь кражи и грабежа в исключительную пользу самих-же инициаторов, этих „храбрых вождей“. Для этой цели они об'явили собрание, которое должно было состояться в известном месте, на берегу Лаго Аргентино, местность где я работаю в качестве овчара.

Узнав об этих меневрах,—федерация в Рио Гайегос разослала несколько комиссий, совершивших

об'езд по имениям области, предупредить рабочих и советуя не идти на зов этих подстрекателей и игнорировать этих подозрительных типов; и чтобы придерживались условий прошлогоднего договора с хозяевами и только там, где эти условия будут нарушены—об'явить локальные забастовки.

Пропаганда этих комиссий увенчалась успехом: никто неявился на собрание в Лаго и везде было спокойно. Никто не думал о забастовках, а тем более—о бунтах.

Однако, как потом выяснилось, помещики не были довольны этим спокойствием; подписанные условия были им не по вкусу и нужно было их уничтожить;нужно было спровоцировать рабочих (уже в прошлом году доказавших свою непокорность), вызвать на всеобщую забастовку и дать им примерное наказание, страшное наказание, своей чудовищностью убило бы всякую непокорность, все добытые права и всякое стремление к борьбе.

И они составили план,—хорошо задуманный и еще лучше выполненный (последнее—при помощи властей, конечно).

И в то время, когда Федерация проповедывала мир в имениях, развивая рабочих, устраивая районные конференции, распространяя анархистическую литературу, в которых ощущалась такая потребность в этой области,—в тоже самое время полиция в Рио Гайегос, под предлогом запротоколить некоторых товарищей, участников забастовки в декабре и январе 1920-21 г. г., (восемь месяцев спустя), пачками начала арестовывать рабочих и, без предварительного протокола, даже без допроса, „высылать" их в Буэнос Айрес. То же самое проделывалось полицией всего побережья.

И перед лицом такой явной и гнусной провокации, как нам следовало поступать и что делать? Сидеть со скрещенными руками и безучастно смот-

реть, как наших товарищей заключенных в тюремных подвалах ежедневно истязают?

Нет! Один только призыв к всеобщей забастовке, и полевые рабочие откликнулись все как один человек.

Мы думали приостановить работу да и только, помещики этого нам не позволили.

Опираясь на стачколомов и „свободный труд", они выбросили нас из имений, и мы, как голодные псы, начали странствовать по полям целыми группами, которые с каждым днем увеличивались, не зная что нам делать и куда нам идти.

При таких обстоятельствах,—без работы и без надежды получить таковую помимо унижения и позорного криводушия,— решено было играть во банк, т. е. силою заставить помещиков, чтобы они, в свою очередь, заставили полицию прекратить массовые аресты и высылки и освободили всех арестованных и преследуемых невинных рабочих.

Согнали всех лошадей, как бы перед революцией и захватили некоторых помещиков и управляющих имениями, не причиняя, конечно, никому из них никакой неприятности.

Группа смельчаков северной зоны реки Санта Круз, в количестве 450 товарищей, заняли, без всякого насилия, городок Пасо Ибаньес. Владея городом и большим числом „ценных" пленников, в качестве заложников и гарантии от пуль прибывших уже войск, они пытались прийти к соглашению, которое положило бы конец подобному положению вещей. Они изъявили согласие и предложили вернуться на работу, при условии, что все арестованные рабочие будут освобождены, а все высланные— возвращены к своим очагам.

В ответ на это предложение, шакал—полковник Варела потребовал, чтобы рабочие освободили заложников, и он, в свою очередь, освободит арестованных в порту Санта Круз, после чего немедлено приступлено будет к мирным переговорам, ибо он

прибыл для мирного улажения конфликта, а не для резни.

На следующий день рабочие освободили помещиков, а Варела освободил арестованных в Санта Крузе.

Но как только хозяева—заложники прибыли в город,—шакал опять начал бросать в тюрмы, накануне освобожденных, рабочих и начал приближаться к городу Пасо Ибаньес с кавалерией и матросами с „Алмиранта Броуна".

Товарищи, и раньше не совсем-то верившие в чистосердечность Варелы, и, не зная еще об этом предпринятом половником маневре, они в ту же ночь, после освобождения помещиков, покинули стены города, направляясь к Кордиеьерам, избегая таким образом открытого столкновения с войсками, ибо, не будучи хорошо вооруженными, не могло быть и речи о сопротивлении таким силам.

Но, оставим на момент этих товарищей в их шествии вглубь страны, шествие для многих оказавшееся уже последним, роковым, туда откуда нет уже возврата... И бросим взгляд назад.

Это было 11-ое ноября. В Медвежьих углах Патагонии редко знаешь какой точно день и месяц— так сказать живешь вне времени. И вот, однажды, рано утром, во время обхода своего полевого участка (около 20 килеметров), встречаюсь с шестью товарищами, которые мне сообщили о случившемся (т. е. о воззвании упомянутых выше личностей) и о принятой резолюции — об'явить всеобщую забастовку, приглашая и меня присоединиться к ним. Им, конечно, не пришлось долго ждать моего согласия. Вечером того же дня мы присоединились к группе из 70 товарищей, расположившихся лагерем у подошвы одной из гор, на берегу ручья. Протесты против несправедливых арестов были всеобщие, а равным образом и революция не возвращаться на работу, пока не освободят всех арестованных. В течение следуюих трех дней мы продолжали об'езжать

имения и посты, приглашая товарищей, продолжавших вследствие своей неосведомленности работу,— пристать к нам, и забирали всех попадавшихся нам лошадей. На четвертый день, сделав привал в ожидании одной запоздавшейся нашей комиссии, — мы были застигнуты врасплох, почти все пешие, далеко от наших лошадей,—кавалерийским отрядом из 30 солдат под предводительством капитана Випяс Ибарро и нескольких полицейских чиновников.

С приближением ожидаемой нами комиссии товарищ часовой дает условленный выстрел в воздух, и этого было достаточно для „доблестного войска", чтобы, об'явив нас разбойниками, начать свою расправу. Без всякого предупреждения, солдаты открыли убийственный огонь по нашему лагеру. Не знаю точно сколько погибло в этот момент страшного переполоха. Несмотря на то, что мы могли оказать сопротивление револьверами и болеадорами *) (у нас всего было три винчестеря), имея крупный численный перевес над солдатами,—мы однако, этого не пытались делать, ибо это не входило в нашу программу действия, а наоборот решено было избегать всяких столкновений с войсками, дабы предотвратить кровопролитие; ибо не против солдат мы начали борьбу.—Нашими походами мы просто хотели беспокоить помещиков, мешая им во время производить клеймовку и стрижку скота, и бить их по карману, с тем, чтобы они, во избежание убытков, постарались бы скорей освободить наших арестованных товарищей.

Однако мы слишком ошиблись в своих рассчетах. Помещики задумали о нашем истреблении, и должны были провести это в жизнь во что бы то ни стало. Приказ о нашем избиении был отдан, и нужно было немдленно и неуклонно привести его в исполнение, безразлично имелись на это причин, или

*) Небольшие железные шары, привязные к длинным ремням, для поимки лошадей.

нет. Не мудренно, поэтому, что начальники и подчиненные солдаты,—рабочие и дети рабочих,—потеряли всякие человеческие чувства и зверски издевались над людьми беззащитными, сдавшимися без малейшего сопротивления.

Когда они убедились, что наших уже достаточно пало, и были уверены в собственной своей безопасности,—они кинулись на нас с саблями. Я не в силах нарисовать эту страшную картину. Можно себе представить самые мрачные краски, но и они окажутся слишком бледными. Да, они могут быть довольны прологом своего геройского дела, эпилог, которого — не менее блестящий. План потопить в крови рабочие права и протесты,—созданный в Буэнос Айресе, с приложением многих тысяч фунтов стерлингов, крупными патагонами—помещиками Патагонии: Мэнэндэз, Боти, Бруном, местным губернатором и полковником Варелой,—начали выполняться как нельзя лучше. Участники кровопролития не могут быть недовольны!

Оставшиеся в живых и удержавшиеся еще на ногах, были взяты в плен. Упавшие, еще живые, были прикончены пулями или сабельными ударами, смотря по вкусу палачей. Я, раненный пулей в правый локоть и в правый бок возле самой груди, видя поведение этих раз'яренных гиен, напал на счастливую мысль притвориться мертвым, каким скоро стал бы в действительности, еслиб они во мне заметили хоть признак жизни; ибо не помогали ни слезы, ни просьбы, ни мольбы, перед этими зверями в образе человеческом. Остаток дня я провел среди кучи мервецов, и ночью, когда в лагере, воцарилась тишина, — начал потихонько вылезать, и неслышно приполз к ближайщей роще. Там я сам немного отдохнул, а также дал маленькой отдых своим ранам, причинявшим мне большие боли во время ползания. Затем, крепясь и страдая, я продолжал ползать, пока достиг более низкую местность и маленькое углубление, где я на половину присел.

Не знаю, жар-ли, страх-ли создал во мне эту иллюзию, но мне тогда казалось, что меня видят со всех сторон, и я, напуганный, ослабленный, почти умирающий, продолжал убегать, сам не зная куда, ища более темные и укромные уголки.

Когда первые лучи восходящего солнца начали рассеивать ночную тьму, у меня явилась мысль о необходимости найти надежное убежище. К счастью я находился возле одной каменоломни, где я нашел громадные камни с большими выемами, которые, должно быть, служили хорошими берлогами для львов. Я водворился в одной из них, и, как мог, кусками из моей верхней рубахи перевязал мою рану в локте; нижная рубаха и жилетка послужили для перевязки боковой раны. (Добрый товарищ, который меня лечит теперь, боится, что я уже больше не смогу пользоваться своей рукой, как прежде. Боковая рана почти залечена. Мы уподобились собакам, которые одним лизаньем лечат свои раны!)

Закончив перевязку ран, я решил отдохнуть и заснуть.

Но тщетно! Впервые в моей жизни я проклинал день своего рождения на аргентинской земле!

Нестерпимая боль, жажда и призрак страшной бойни не давали мне уснуть. В моей голове, словно в дантовском аду, чередовались тысячи призраков один другого ужаснее. В таком состоянии я оставался до тех пор, пока шум ружейного залпа вывел меня из оцепенения. За первым залпом последовал второй, третий и т. д.. И лишь через много дней с прибытием двух товарищей по несчастью, я узнал то, чего я не мог увидеть тогда, когда меня ранили и на следующие затем дни. Вот расказ этих, и других несчастных, которым как и нам, словно чудом удалось спастись от смерти в различных местах,—подробности верные и правдивые, хотя для многих и невероятные но отнюдь не для нас все это переживших. Я на момент оставлю свое собственное повествование и

предоставлю слово о пережитом одному товарищу, тоже раненному в ногу.

„После нашего покорения,—рассказывает он—немногие оставшиеся в живых были выстроены в ряд. На вопрос Виняса Ибарра: „кто ваш атаман?", никто не отозвался. И в самом деле, это не была группа людей кем нибудь предводительствуемая,а несколько товарищей, укрывавшихся, на опушке леса, от ветра и холода. Так как никто не ответил, приблизился полицейский комиссар Доглас, известная, преступная личность, принимавшая участие во многих избиениях рабочих,—и указывает, как на предводителя, на товарища Пинтоса. Этот товарищ в своей упорной пропаганде, всегда клеймил негодяя—комиссара, который никогда ничем не гнушался...

Достаточен был один только намек, и Виняс Ибарра приказывает: „Два шага вперед... цель... стрелять!.." Товарищ Пинтос падает, но Доглас видя, что он еще не умер, вынимает револьвер и пристреливает его.

Опять приближаются к пленникам, и Доглас опять указывает на другого, на товарища Лагоса. Его отводят на два шага и Доглас дает по нем два выстрела, раня его в бок и в лоб. Товарищ падает, но так, как раны не были смертельные,—он пришел в себя, замечая при этом, что солдаты отодвинулись на несколько метров. Группа солдат собирала дрова и складывала их в клетку. Смекнув, что они собираюрся сжечь мервых, товарищ Лагос, выждав момент, когда солдаты удалились еще на несколько метров, прополз между своих мертвых товарищей и достиг лесной опушки. Благодаря этой счастливой мысли, он теперь находится среди нас, хотя положение его еще очень опасное. *)

Другие, скрывшиеся в лесу, товарищи рассказывают, что немного спустя прибыл автомобиль, нагруженный ломами и лопатами. Нескольких товари-

*) Десять дней спустя, он умер от ран.

щей, оставшихся в живых, после предварительной пытки, заставили вырыть большую яму для 37 зверски убитых жертв.

С наступлением вечера этих товарищей отправили, грузовиком же, в тюрьму в Рио Гайегос, но конвой, в одной дервушке, прикончил их.

В „Лаго Аргентино".

После варварской расправы в Пунта Альта—27 го ноября 1921 г.,—убийцы направились в „Лаго Аргентино". Но по дороге, в отеле „Ла Эсперенса", они встретили трех рабочих, уже несколько дней находившихся там. Не трудно было, конечно, об'явить их разбойниками, так как одно „пончо„ (род плаща), пояс и несколько сентов в кармане—все имущество этих бедняков—послужили довольно веским поводом для такого обвинения.

Несколько матерных ругательств, отпущеные Винясом Ибарра, были достаточны, чтобы сержант отвел несчастных на несколько метров от гостинницы и расстрелял их.

Затем, уже под самим Лаго, они встретили еще трех рабочих, ничего не знавших еще о разгуле реакции и о расправах и поэтму спокойно разезжавших по этой области в поисках работы, как это вынуждены делать все безработные этой местности.

Солдаты взяли немедленно ружья на прицел и, как только ничего не подозревавшие товарищи приблизились, открыли по ним огонь. Двое, сраженные, упали с лошадей, третий, товарищ Хулио Доносо, соскочил на землю и спрятался за большим камнем у ближайшего холмика. Солдаты окружили холмик, и по приказу: „на приступ!.. Марш!..", бросились, в количестве восьмидесяти, на одного человека!..

Один солдат, находившийся впоследствии на излечении в санатории в Рио Гайегос, — в котором,

быть может, рана в руке возбудила человеческие чувства и заставила его признать преступность поведения своих братьев по оружие,—рассказывал, что Донасо, увидя себя окруженным со всех сторон, выхватил револьвер и начал стрелять. Последний клич его был. „я федерированный! Да здравствует Федерация!"

На следующий день, 4-ое ноября, Виняс Ибарра, усилив свой отряд солдатами из гарнизона Пасо Ибанес, продолжал свой поход по направлению к Анита, месту где находились около трех сот рабочих. По пути, на растоянии четырех легв от Аниты, им попался товарищ Федерико Вильярес, которого постигла участь предыдущих жертв.

В день 6-го декабря все войско расположилось лагерем в Калафате, 12 легв от Ля Анита. Оттуда Виняс направил свое знаменитое послание к рабочим, в котором говорилось, что рабочие должны сдать все имеющееся у них оружие, как предварительное условие для мирного улажения конфликта, и что он всем гарантирует жизнь.

Получив это сообщение, рабочие на общем своем собрании обсудили вопрос: сдаваться, или нет? Излишне сказать, что товарищи ничего не знали о кошмарных событиях, имевших место в Пасо Ибанес и Пунта Альта. И принимая во внимание мирное поведение войск в прошлогодней забастовке, и—в виду недостатка оружия, решили сдаться.

На следующий день, рано утром, товарищ Сота еще вчера сомневавшийся в чистосердечности капитана, предложил, чтобы все товарищи, раньше работавшее в какий нибудь комиссии, или профессиональной работе и могут потом оказаться скомпрометированны, заранее удалились. И около тридцати товарищей оседлали лошадей и направились к Чилийской границе.

Вечером прибыли войска. Виняс Ибарра, выступив вперед с несколькими офицерами, приказал отобрать оружие. Потом он подозвал помѣщиков, по-

зывавших в плену у забастовщиков, и, по их указанию, отделил сорок рабочих, которых предварительно заставил собственноручно вырыть большую яму, а затем выстроил по два в ряд, лицом к этой же яме, которая через минуту должна была стать их могилой. „Ждите приказа!..“ Заикаясь кричал поручик Фургони. Он отошел на несколько десятков метров и по знаку этого палача дали залп из пулемета.

В яму бросали и убитых и, раненных, которые еще стонали,—среди них заживо похороненный товарищ Эфраим Фуэнтос, полусидящий, кричал им, подставляя грудь „Убийцы! Убейте нас лицом к лицу, а не в спину“...

Пока Фургони распралялся с этими рабочими, Виняс Ибарра и Варела обыскивали остальных, отбирая у них все, что только имело малейшую ценность. В 8 ч. 30 м. вечера в тот же день, вывели семь товарищей, будто бы за тем, чтобы стеречь солдатских лошадей, но мы их уж больше не видали, ни на следующий день, ни после.

Восьмого числа опять выстроили всех. Пришли помещики и по внушению Ибарра эти хищники вторично начали указывать на мнимых разбойников На каждого рабочего, которому они должны были за месяц, или более, жалованья, они указывали, как на опасную личность. Один помещик, у которого всего работало 27 человек рабочих, указал на всех.

Выбрали девяносто семь, остальным велели рассыпаться по полям. Этих 97 повели к реке Сэнтинэла. На этом месте находился мост полуразрушенный половодьем. Там заставили работать этих несчастных. Большинство из них потонуло в волнах прилива, другие же были убиты ударами прикладов, за отказ от работы. Товарищ Хуан Эствец, шестнадцати лет, умер ужасной смертью, которую я не в силах описать, ибо кровь стынет в жилах при одном только воспоминании об этих пытках. Такою же смертью умер и товарищ Кампоро, юноша 18-ти лет, сильный и мужественный. Видя намерение уничтожить этих

97 рабочих, таким преступным образом,—он бросил в солдат лопату и обругал их. Его привязали к столбу, и через 24 часа, когда он уже казался мертвый, бросили в костер, где пылали тела других мертвых тов.

Из этих 97 человек спаслись только двое, проплыв по течению около двух километров, и потом укрываясь в лесу. Голые и больные, они достигли этот город, который, кстати, оказался довольно гостеприимным. Большинство же, или утонули, или были расстреляны.

Прежде чем оставить арену своих военных операций... Виняс отправил несколько отрядов, для обезда имений. Эти отряды, с „верою и правдою" выполнили свое назначение: В Митре они нашли женщину с четырьмя детьми, оплакивавшую своего мужа, расстрелянного в Ла Анита. Она для них оказалась „лакомкой", по словам поручика Фургони. Сперва он сам „забавлялся" ею, а потом солдатня... Но первым долгом они должны были избить ее. Детишки же удрали в лес, захватив с собою и грудного ребенка. Можно себе предствить картину, когда вечером, возвращаясь домой, дети нашли свою мать в крови и одеждей в куски изорванной... Теперь эти крошки находятся в Пунта Аренас; тетка их подобрала. Я писал в рабочие союзы об этих детях и мне ответили, чтобы эта тетка их повезла в Вальпарайво и там о них позаботятся.

Подобно этой беззащитной женщине, которую не пощадили эти злодеи, несмотря даже на то, что она мать четверых детей, и которая оказалось жертвой исступленной дикости и садизма убийц,—подобно этой погибли многие. После насыщения своих зверских инстинктов, они приканчивали свою жертву, чтобы замести следы своей подлости! Также, как они убивали рабочих, чтобы скрыть следы грабежа.

В РИО ЧИКО.

Вернемся к товарищам оставившим Пасо Ибаньес, по направлению в глубь страны. Это было на четвер-

тый день их похода. Расположенные лагерем на берегу Рио Чико (маленькая река), они вдруг заметили несколько приближающихся автомобилей, один из коих был с белым флагом. Автомобили в'ехали в самую середину лагеря. Из одного автомобиля вышли один военный, один штатский и товарищ Оторелью, который поспешно направился к приближавшейся, для разузнавания гостей, группе рабочих, и заявил им, что все уже улажено, и что незачем сопротивляться прибывшему с ним войску (Вареле с двадцатью солдатами), ибо освобожденные помещики добились от полиции удовлетворения рабочих требований. (Возможно, что его самого подло обманули, или же пригрозили расстрелять). Некоторые, более дальновидные, не поверили этому заявлению, и ушли по неизвестному направлению. О, еслибы и остальные последовали их примеру! Может быть пришлось бы пролить немного крови, а может быть и нет; но этим предотвратили бы потоки крови, и более двухсот мученических смертей.

Веря уверениям Оторелью, и сознавая что Варела все равно скоро настиг бы их, они сдали около 5.000 лошадей и оружие. А за тем солдаты приступили к выполнению своих „обязанностей", согласно полученным инструкциям... Начали выбирать отдельных по имевшемуся у них списку, — так называемых, „вождей". Десять из них простояли всю ночь голые привязанные проволкой к проволочному же плетеню. (В южной Патагонии, даже летом, ночи бывают очень холодные). Ночью раздавались частые выстрелы. Говорят, что это забавлялись стрельбой в цель по вязанным. Рано утром их в том же положении расстреляли. Приблизительно такая же участь постигла и около тридцати других „предводителей", за исключением товарища Кампорро, для которого Варела приготовил другие ужасы.

Его он заставил нарвать достаточно тростника и обвить им столб от плетня; потом, его привязали к этому же столбу и, дав ему предварительно

прикладом по голове, подпалили тростник вокруг оглушенного, несчастного рабочего, мученника своей идеи. Почтим же его память своею солидарностью и стойкостью в борьбе!

Так как Варела не любил даром терять время, он, за недостатком лопат и прочих инструментов для рытья могил, заставил приговоренных им к смерти нарвать кучу кустарника и, расстрелянных велел покрыть кустарником, облить нефтью и сжечь. Излишне говорить, что сначала мертвых обшарили и забрали все деньги, все ценные вещи и уничтожили всю личную корреспонденцию, все документы и удостоверения лошадей. Этими вещами вознаграждали нижних чинов и шоферов, которые были вполне довольны такой мздой за свои геройства.

Из этой группы рабочих, остались в живых всего сто девяносто шесть.

В ХАРАМИЖО.

Теперь несколько слов об известном товарище и мученике Фонте. Этот товарищ известный в некоторых кругах также под кличкой „Факон Большой" входил в состав одной группы рабочих зоны Десеада, выделялся среди них своим энтузиазмом и решительностью. Настигнутый войсками, он оказал сильное сопротивление, превратив в бегство нападающих, забывших свое „хваленное геройство" против беззащитных, когда они встретили малейшее сопротивление. Рассказывают „казаки", что при этом столкновении, (которое, кстати,—единственное что они могут привести в оправдание устроенных ими боень), были ранены два солдата.

Поверив потом нашептываниям и советам комерсантов и помещиков, обещавших ему добиться от Варелы общую амнистию и удовлетворение рабочих требований, наивный Фонт согласился, как только Варела подпишет свое согласие, сложить оружие и вернуться на работу. Согласие „честного" пол-

ковника за собственноручной подписью, не заставило долго ждать себя. На основании этого, по мнению „разбойника" Фонта и его товарищей,—дальнейшее странствование не имело никакого смысла.

Обладая мировым документом, привезенным, уполномоченными посланными ими, они, неосторожные и доверчивые, ждали Варелу; и как только последний, с небольшими своими силами, прибыл, они с своей стороны выполнили услове. Этого ненасытное чудовище только и ждало. Обезоруженных и покорных, или по словам одного офицера покоренных, можно себе представить что их ждало. Достаточно сказать, что, из последовавшей затем бойни, ни один из рабочих не остался в живых; все были перебиты. Ибо надо было смыть кровью, (оказавшейся еще не достаточной для апетита этого доблестного капитана или полковника), это непростительное преступление ранение двух солдат.

И так была перебита вся группа, тела которых были сожжены и полузарыты; некоторые еще с признаками жизни. В официальной же „сводке" Варелы сообщалось только о покорении группы рабочих, при чем пало несколько главарей, среди них известный „Факон Большой".

В ЛАГО САН МАРТИН.

Такой же хитростью воспользовались военные силы в районе Лаго Сан Мартин, для подчинения и истребления, вне всякого риска, бастующих той местности. Разница была разве только в выборе оружия и средств убийства. Так, как маузерных пуль осталось уже немного,—они прибегли к пулеметам, еще не бывших в действии. Эта группа рабочих, 350 до 380 человек, была целиком уничтожена пулеметным огнем и только троим из них каким то чудом удалось спасти свою жизнь. Тела убитых были сожжены, очищеные предварительно от всякой „скверны", то-бишь

ценных вещей, так как для рытья ям не хватало рабочей силы.

В районе Десеадо другая группа „покоренных" в 90 человек пачкой были расстреляны пулеметами на краю пропасти глубиною в 30 метров. Те которые не умерли от пуль, разбились на смерть на дне каменистой пропасти. Кондоры, коршуны и лисицы пировали и ликовали...

В КАНЯДОН ЛЕОН.
(район Сан Хулиан).

Здесь оперировал шакал, являющийся бесспорно одним из крупнейших талантов в области изобретения пыток и кровожадности, наряду с другими гениальными мастерами этого дела, как Виняс Ибарра, капитан Кампос и Швейцер,—капитан Анажа. Ему выпало на долю подчинить группу в количестве 70 человек рабочих. Сдавшимся, обезоруженным и выстроенным в ряд напротив отряда солдат—Анажа отдал приказ: „главари вперед!" Молчание было ему ответом. Тогда он обратился к солдатам: „А ну-ка,—десять аргентинцев вперед!" Все солдаты выступают.—„Готовься... цель... стреляй!.." Десять или 12 товарищей падают. Тогда он вторично обращается к удивленным товарищам: „Главари вперед!" Опять молчание. „Солдаты аргентинцы готовься... цель... стреляй!.." Опять мертвые. И так, три раза. Убежденные, что он таким образом перестреляет всех,—на его четвертый выкрик, было указано на некоторых из более деятельных. Указать, выстроить и расстрелять их,—было делом одной минуты. И чтобы остальным не завидно было,—их тоже перебили. Из них уже никого не осталось для будущих забастовок. Присутствование при этой резне помещики и другие штатские, не сочли нужным проронить ни одного милосердного слова в защиту кого-нибудь—хотя бы одного—из этой группы. Должно быть, это их удовлетворяло, и было им по вкусу...

Другие подробности.

Одна довольно многочисленная группа рабочих из северного района, Рио Санта Круз, задумала перебраться в южный район в поисках более безопасного убежища. Сперва, с целью узнать нет ли военных сил вблизи того места, куда они решили переправиться, ночью переправился один. В знак, что „путь свободен", он должен был устроить костер. Об этом как то узнал один мнимый рабочий, шпион и предатель рабочих. Утром солдаты подошли к месту, назначенному для переправы, и устроили условленный костер. Рабочие увидев костер двинулись к переправе, но были встречены густыми ружейными залпами и ни один из них не спасся.

Умиротворив всю территорию, часть войск расположилась лагерем у берегов Лаго Аргентино (Аргентинское озеро), имея при себе пленников, которых расстреливали, по мере того, как какой нибудь „милосердный" помещик просил об этом конвойных. Однако, их еще было много, когда прибыл капитан Окампос, (тот самый, о котором Виняс Ибарра говорит, что он безобидный человек..) (?) Прибыв со своими „людьми" и увидев пленных, он воскликнул: „Чего вы возитесь с этими собаками? Если вы боитесь, уступите их мне и я быстро с ними рассчитаюсь!"—И, действительно быстро рассчитался... По три, по четыре их выводили за холм, и на ходу убивали. Прикладами и штыками добивали умирающих.

В ту же местность вскоре прибыл капитан Виняс Ибарра. Найдя в одной лавке несколько рабочих, показавшихся ему подозрительными,—он их всех расстрелял. Одного чилийца, несчастного парня, обиженного природой, уже вели к „эшафоту". Но хозяин магазина вмешался, и спросил, у Виняса: — „Что вы намерены сделать с этим парнем?—„Расстрелять его".—„Но за что? Ведь несчастный нику-

да не вмешивался, и не способен муху убить?" „Да, но он очень некрасив; у него подозрительное лицо, и лучше расстрелять его",—ответила гиена. К счастью—этот хозяин магазина оказался мировым судьей, и ему удалось спасти эту жертву из капитанских когтей. Этот же шакал, Виняс, в Пунта Бандера, велел расстрелять одного ямщика за то, что тот не мог указать ему местонахождения своего таварища, бастовавшего в прошлом году, ибо сам того не знал. В гостинице в Рио Митре он встретил трех рабочих, спасшихся из Ля Анита". Кто сломал автомобиль возле гостиницы, во время забастовки в этой местности?" спросил он одного из них. Тот этого не знал. И упорно настаивал на своем неведении. За это его расстреляли. Другие двое рабочих, напуганные, обвинили некоторых, заведомо им, ранее удравших.

В имении Рубен Аике, принадлежащем компании Лас Верас,—один рабочий не захотел больше работать и попросил расчет. Тогда солдаты, охранявшие имение, начали его ругать и провоцировать, и в конце концов всадили в него три пули. Но на выстрелы сбежались рабочие, и неловко было его добить при свидетелях. Тяжело раненного, его на другой день повезли в Рио Гайегос, и по дороге, как рассказывали потом солдаты, он умер и его похоронили в поле.

В имении Лагуна де Оро (залотое озеро), тоже занятой военной охраной, прибыли три чилийца, в поисках работы. Офицер задает им вопрос, есть ли у них „рабочие книжки",—как было установлено новым указом. Рабочие ответили, что они еще не успели запастись этими „паспортами", ибо у них нет ни денег на путевые расходы в Рио Гайегос (за 5 легв), ни чем заплатить за книжку, стоящую пять песо, кроме 5 песо за необходимую фотографию, да еще пять песо за удостоверение личности. Их грубо обругали и ничего им не сделали. Только ночью рабочие имения услыхали два залпа. Все три

робочие, в полночь, были выведены и расстрелены за... неимение денег. За то, должно быть они имели револьверы, часы, плащ и другие т. п. лакомки для „защитников отечества и порядка".

Подобным же образом и под таким же предлогом, средь белого дня по большой дороге, в районе „Эль Перо", были убиты пять рабочих искавших работу; среди них бывший делегат в одном имении той местности. По словам всех тех, кто, в целях спасения своей жизни, вынуждены были измерить весь этот край вдоль и поперек,—вся Патагония представляла одно сплошное кладбище рабочих, в буквальном смысла этого слова,—была усеяна мертвыми, костями и трупами непогребенных. Местами пастухи находили целые группы таких мертвецев, ограбленных и полуголых. Зато солдаты и жандармы прибывали в населенные места нагруженные плащами и шинелями из кожи гуанако, (американское животное), седлами, револьверами, часами и т. п. вещами, которые продавались ими за безценок, и на вырученные деньги устраивали кутежи по трактирам и публичным домам. Чеки, на которые настоящие хозяева никогда уже не пред'явят своих прав, ибо их уже нет в живых, странствуют по всем прибережным городам, пока найдется плательщик, который не побоится обменять их без подписи того, на чье имя они были выданы.

Население Патагонии, особенно же рабочее, может теперь спокойно жить и работать под бдительной охраной „героев". Многочисленное отечественное войско верою и правдою выполнило свой святой долг водворения мира и порядка.

Заработная плата полевых рабочих, с уменьшением рабочих рук, отрезанных саблей, или разбитых пулей,—чувствительно „поднялось". До забастовки платили по 100-120, а теперь платят по 60-70 или 80 пезо в месяц,—ровно столько, сколько стоит кожанный полушубок, небходимый в этом суровом краю.

По умиротворении края, отряды Виниса Ибарра, на обратном уже пути, возле „Синтинала“ заметили на одном холме двух всадников и крикнули им: „стой!“ Но, за дальностью расстояния (5 000 метров) и вследствие ветра, те не расслышали приказа, и „молодчикам“ представился благоприятный случай позабавиться игрой в цель... Соскочили с лошадей, залегли и—зали... Всадники и лошади упали, чтобы больше уже не подняться. Распознанные потом, убитые оказались хозяин этого поля и его работник.

Точную цифру убитых нельзя установить. Но по многим под'четам, сделанным мною и другими, эта цифра колеблется между 1000 и 1100*), в том числе 600 чилийцев, 300 испанцев, и остальные,—разных национальностей. Мать сыра земля всех их приютила...

Чуть было не забыл один случай, быть может самый зверский из этой исторической бойни. Этот... (не знаю как определить его), капитан Анаско послал с поручением одного сержанта к расположенному невдалеке отряду, который был под его командой. Прошло три дня а сержант не возвращался. Заподозрили, что рассеянные по полям рабочие, вымещали на нем свою злобу. В это время встречают пять рабочих, которые шли за получкой. Их задержали и начали допрашивать о сержанте. Те ответили, что они сержанта не видали. Снять распросы, и угрозы. Рабочие повторяют, что они сержанта не видали и ничего не знают о нем. Наступает ночь и капитан Анажа их связанными и под стражой, отправляет спать. Спустя час, этот зверь приказывает разбудить их и снова допрашивает. Тот же ответ. „Скажите где сержант, а то я вас всех перережу. Рабочие отвечают как и прежде: „не знаем“. Гиена, в исступлении снимает голову одному. Вновь задается тот же воп-

*) По последним данным, было убито 1000 человек.

рос, и та же угроза. Тот же ответ с мольбами и воплями. Он режет затем другого и третьего. А остальных тут же пристрелил. А сержант на другой же день и явился. Незнакомый, как и все войско, с местностью, он блуждал.

Некоторые уверяют, что это не единственный случай таких невероятных зверств. В Санта Крузе арестованных рабочих забили на смерть дубинами, а потом их окончательно добивали пулями. Если так поступили в населенном городе, какие же дела они натворили в далеких степях. Подобные избиения имели место во всех полицейских застенках провинции.

Однако этот ненасытный тигр—Виняс Ибарра—не утолил свою жажду реками пролитой крови в своем победоносном походе,—походе доставившей ему хвалу всей буржуазной печати. За несколько дней до прибытия губернатора и в отсутствии Варела, действительного начальника района,—он попытался вывести из тюрьмы 23 арестованных за рабочее дело, чтобы расстрелять их вблизи города. Он потребовал выдачи этих арестантов от начальника тюрьмы, но последний ответил, что он их ему не может выдать без разрешения судьи. Он тогда с этем требованием обратился к судье, но судья, в свою очередь, энергично воспротивился, говоря, что как судья и как человек, он не может допустить подобной расправы. Виняс Ибарра, вне себя от злобы, хотел его силой заставить удовлетворить это требование. Он утверждал, что в Рио Гайегос он, Ибарра, —единственный судья и воплащение закона и что судья этот—никуда не годный, ничтожный и гаденький человечишко. На этой почве у них произошел спор, кончившийся тем, что судья оказался с разбитой головой, а Виняс Ибарра, по слухам, с пулей в ноге. Однако, эти 23 рабочих, осужденные на смерть этим „законоувжающим“ офицером, не были казнены.

Несмотря на такие общеизвестные факты, местная печать не только не осудила этих действий и

профанацию законов, а, наоборот, с величайшим цинизмом совершенно умолчала об этих преступлениях.

Зато эта печать обильно расточала хвалебные гимны и пела дифирамбы благодательнейшему войску, начальникам, правителям восстановившим порядок и положившим конец „бандитизму" в этом крае. Эта потерявшая честь, стыд и совесть газетная стая, внесла и свою лепту в кровавую бойню, подготовленную буржуазными бандитами, и эти блуды слова оказались такими же палачами, как и те обмундированные разбойники, которые на практике выполнили этот план. Так пусть же общественная месть, вечно висит домакловым мечем над всеми ими, без различия! (Следует подпись).

Вот безхитростный рассказ простого рабочего.

Расстрел рабочего Сантяго Диец.

29 октября 1921 г., четверо рабочих каменщиков, нанятых инженером строителем Бианчи для постройки отделения национального банка, отправились в Санта Круз. На параходе они встретились еще с четырьмя рабочими, ехавшими в том же направлении.

Из этих рабочих пять остались в Сан Хулиане на постройке здания для отделения банка.

Остальные же три прибыли в Санта Круз как раз во время забастовки полевых рабочих. Посоветовавшись, местными организованными рабочими, они получили от последних разрешение стать на работу, что они немедленно и сделали.

18 декабря 1921 г., когда они во время обеда сидели за столом в отеле „Сан Мартин", в столовую вошел один „кабо" (старший доблестного аргентинского войска) в сопровождении Франциско Фернандес, Боэти, и, с револьвером в руках, арестовал товарища Сантяго Гонзалес Диеза.

Этот товарищ был выдан Фернандесом убийце Вареле как анархист 21-го декабря последний ве-

лел капитану Кампосу забрать все, что нашли ценного в комнате Диеза.

Несколько дней спустя, в целях оправдания заранее обдуманного и подготовленного убийства, Виняс Ибарра хотел заставить товарища Диеза сделать донос на совершенно незнакомых ему рабочих. Получив от Диеза категорический отказ, Виняс Ибарра заявил, что он считает его „мертвым человеком".

Двадцать восьмого декабря убийца Варела отправил Диеза и еще нескольких местных рабочих на самую вершину ближайшей горы с кирками и лопатами, где их заставили вырыть для себя могилы и без особых церемоний расстреляли.

Вот безхитростная правда, рассказанная пережившими этот кошмар рабочими, о патагонских „разбойниках" и их „усмирении".

КОНЕЦ.

Убийство—Варелы,—усмирителя Патагонии.

Расстрел Патагонских рабочих, как и следовало ожидать, вызвал всеобщее возмущение в рабочих рядах Аргентины. Когда стали известны издевательства и зверства полковника Варелы над рабочими в Патагонии, этим вопросом пришлось заняться даже буржуазному парламенту. Как и следовало ожидать ставленник и детеныш буржуазной клики был оправдан, хотя все факты расстрелов и издевательств подтвердились.

Ясно что в среде рабочей массы нашлись более чувствующие товарищи, которые не могли оставаться спокойными свидетелями открытого глумления буржуазии и власти над Патагонскими труженика-

ми. Вилькенс, рабочий—анархист, бывший противником террора, был настолько возмущен наглостью власти и буржуазии и ужасными проделками Варелы —руководителя военной экспедиции – над рабочими Патагонии, что решил, жертвуя собою, ответить на этот акт. В лице Варелы он хотел нанести удар обнаглевшей буржуазии и власти и раскрыть глаза рабочим на действительность произошедшего в Патагонии.

Вилькенс убил Варелу.

Но убивавя Варелу, как представителя кровожадной власти, он избегал ненужной крови. Два раза, поджидая Варелу с целью нанести ему последнийу дар, он отказывался от своего намерениоя только потому, что с Варелой была его жена.

И даже в момент самого убийства, Вилькенс спас ребенка убитого им же полковника Варелы. И спасая ребенка был ранен сам.

Убийство Вилькенса.

Вилькенс был арестован. Вчера еще неизвестный рабочий анархист, он стал народным героем. По всей стране рабочие открыто заявили свою симпатию и солидарность с актом Вилькенса. Даже среди рабочих Европы акт Вилькенса произвел силное впе чатление, и роль Аргентинской власти и буржуазии в Патагонской кровавой расправе с рабочими стало известно.

Власть была осуждена, и Вилькенс оправдан.

И этого, больше всего, власть не могла простить Вилькенсу. Настроение в стране было настолько благоприятно для рабочего анархиста, что разделаться с ним законным порядком, власть не имела смелости. И в ночь с 15-го на 16-го Июня, наемный убийца буржуазии, служитель тюрьмы, жалкий идиот, Межан Темперлей убил Вилькенса спящим, в его одиночной камере. Только таким путем, власть

могла отделаться от анархиста Вилькенса, хотя он и находился уже под тюремными замками.

Выступление рабочих.
Всеобщая забастовка.
Предательство вождей.

Власть убила Вилькенса. Но как только в городе стало известно об этом трусливом и подлом убийстве, возмущение в рабочих массах, и даже в части буржуазии, приняло невероятные размеры; и не только рабочая, но и буржуазная, либеральная пресса говорила с отвращением и омерзением об этом убийстве. В течение нескольких дней вся пресса говорила об этом акте и его значении. За исключением чисто реакционных газет, все возмущались действиями власти и признавали величие и самоотверженность Вилькенса пожертвовавшего свою жизнь за дело трудящихся и за великий идеал свободной и счастливой общественной жизни—Анархии.

Возмущение рабочих уже к вечеру того же дня начало принимать определенную форму,—рабочие решили ответить на этот акт власти полным прекращением работ—всеобщей забастовкой. Даже далеко не революционные организации, как „Унион Синдикал Аргентина" и другие, примкнули к забастовке протеста. Своею смертью Вилькенс об'единил всех рабочих Аргентины вокруг протеста против деяний власти. С 6 часов вечера 16 го Июня началась всеобщая забастовка по всей Аргентине. Только часть железнодорожных рабочих, продавшихся своим хозяевам—капиталистам, остались на работе. Все организации входящие в Ф. О. Р. А. (анархо коммунистическая) по всей стране единодушно вышли в забастовку.

Рабочие пред'явили также требование полиции о выдаче тела Вилькенса для похорон. Полиция, на-

пуганная всеобщим возмущением и имея опыт Январьских дней, обманула рабочих. Обещая выдать тело Вилькенса рабочим, она поспешила и похоронила его тайно на кладбище Чакарито. Но на следующий день, опасаясь чтобы рабочие не вынули тело Вилькенса для похорон, разрыли могилу на Чакарито и увезла тело неизвестно куда.

Все эти проделки полиции усиливали возмущение рабочих. Настроение стало повышенное. По всей стране начались столкновения между рабочими и полицией.

В Буейнос-Айресе на 19-ое Июня был назначен массовый митинг на открытой площади. К 2 часам дня к площади начали стекаться рабочая масса. Полиция заранее заняла все подходы к указанной площади и никого не пропускала. Часть рабочих собралась в помещении булочников, не далеко от этой площади! Полиция решила их спровоцировать, и без всякого повода открыла стрельбу по помещению. Рабочие, спасаясь, бросались в разные стороны, но полиция стреляла по убегающим рабочим и рубила их шашками. В конечном итоге оказались один убитый, 17 тяжело и большое колчество легко раненных рабочих. Но полиция этим не удовлетворилась. Она переарестовала всех тяжело раненных и кого только могла захватить. 250 рабочих заполнили полицейские участки.

Но среди рабочих вождей оказались предатели и полицейские агенты. Центральный комитет Хамелеоновской—коммунистической Унион Синдикал Аргентина в этот же день предписал своим рабочим вернуться на работу. Теперь доподлинно доказано, что в центральном комитете У. С. А. имеется целый ряд полицейских агентов. Двое из них Хулио Амор и Давид Валдес раскрыты самими членами У. С. А.

Убитые и раненные остались в руках полиции, а предатели вожди из У. С. А. вернули рабочих на работу. Забастовка, благодаря их провокационной работе, была сорвана и единый фронт рабочих и тру-

давая солидарность были разрушены. Политическим шарлатанам из коммунистической партии и приверженцам власти и диктатуры такое единение не выгодно. Им нужно слепое подчинение их политическим целям, но ни в коем случае действительное об'единение рабочих на рабочем деле.

Власть—безсилна.

Полиции, понятно, „дела" создать не удалось Залечив раны рабочим, она была вынуждена выпустить всех на свободу, оставив одного, чтобы на нем доказать свою невиновность.

Власть и полиция остались верными своей кровожадной природе.

Вилькенс умер. Рабочие вернулись на работу.

Но власть—безсилна и держится только на силе. И не далек тот день, когда трудящиеся сбросят с себя иго власти и капитала и создадут новое и свободное общежитие людей равных и свободных. И тогда имя и дело Вилькенса вновь оживут и будут служить примером трудовой солидарности и самоотверженности и преданности великому делу—созданию лучшей и свободной жизни—Анархии.

Курт Вилькенс.

«Умер Курт Вилькенс. С ним исчезает наиболее видная фигура социального движения данной эпохи, может быть виднейшая из всех, кто со страниц книги или с трибуны проповедывали современные эгалитарные (равенственные) теории, воодушевлявше эксплоатируемые классы в их безконечной борьбе за право на жизнь. Его трагическая смерть делает его апостолом и мучеником идеи, которая оплодотворяет теперь умы всех трудящихся. Курт Вилькенс, неизвестный шахтер Силезии, оставивший свою страну чтобы принести слова воодушевления и надежды рабочим Соед. Штатов, не был простым агитатором, который искал в бесконечных бурях рабочей борьбы легкую возможность устроить свою собственную жизнь. Курт Вилькенс носил в своей ду-

ше святой огонь идеи, которую он желал видеть осуществленной в действительности, несмотря на то, может быть, что возмущенные массы не могли понять его великого апостольства. Итак, мы его видим странствующим по минным районом Соед. Штатов и проповедующим без устали свои идеи, которые должны были принесть свет нескольким миллионам рабочих согбенным под игом капитализма янки.

Редкого темперамента, Курт Вилькенс соединял в себе идею и действие. Он не обладал фатализмом миссионеров, которые принимают человеческие явления таковыми каковы они есть или будут. Вилькенс думал и выполнял свое дело, побеждая все препятствия, которые стояли по пути к осуществлению его идеи. Мозг и мускулы,—ничто не могло служить препятствием его намерениям. Этот рабочий не жил вне правовых норм чтобы можно было сомневаться в его социальном кредо, нет. И действительно в этом заключается то, что выделяло личность Вилькенса. Методичный и трезвый, он не был невежественным рабочим, который шел из мастерской в кабак, что ясно диказывает что он был морально здоров. Даже в его питании можно было узнать совершенство его чистого и спокойного ума. В глубине его маленьких синих глаз ясно читалась тайна его души, которая, как кто то сказал, была невинной душой ребенка.

Вилькенс был убежденный анархист коммунист. Хотел для трудящихся лучших дней и всю свою жизнь употребил на распространение своих идей. Те, которые его близко знали, знают доброту, которая лилась с его уст и яркий свет который излучал его мозг... Все встречавшиеся с ним были больше чем его друзья...

Страшное происшествие в Санта Крузе, где тысячи рабочих погибли беззащитными, отозвалось среди рабочих всего мира.

Вилькенс видел возможность для распространение своих идей в среде эксплоатируемого класса, в

котором возмущение дошло до апогея под влиянием совершившихся событий. Он тогда же дал себе отчет о положении рабочих в стране и ужасной несправедливости, жертвой которой они стали на далеком юге. Считая невозможным оставить эти жертвы не отомщеными, он не замедлил привести это в исполнение. Привел в исполнение в форме уже известной, в лице начальника военной экспедиции против рабочих Патагонии.

Только Вилькенс знал свой план.

Величие его души не допускала втягивать соучастников. Идея эта не вызывала в нем никакого сомнения, и без всякой посторонней помощи он привел ее в исполнение. После акта он даже не намеревался бежать, хотя знал что тюрьма ждет его с раскрытыми об'ятиями. В тюрьме Вилькенс был встречен всеобщим уважением и тюремщиками и товарищами по несчастию, которые видели в нем человека идеи, пожертвовавшего собой для великого дела.

Его жизнь кончилась. Он был безразличен к остаткам своей жизни. Адвокат предложил свою защиту, но он от нее отказался. Кто мог его защитить? Он не лечил своих ран, хотя ему представился частный врач что бы за ним ухаживать. Зачем? И в тюрьме Вилькенс дал скромное доказательство своего морального величия. Он спал в камере с, всегда настежь, открытыми дверями, что давало возможность для нападения негодяям. Это потому что Вилькенс не верил что все люди—плохи. Он верил что все люди ангелы и что только среда и борьба за существование превратили их в волков. Вилькенс не думал может быть, что вокруг него бродила смерть... Смерть положившая конец ужасной агонии его души, великой и чистой, которая поставила его величественную фигуру апостола и мученика на высшую ступень, на которой стоят те кто борется за достижение лучшего человечества.

(Критика).

17-го Июня 1923 г.

„ГОЛОС ТРУДА“

ТОВАРИЩИ—РАБОЧИЕ!

Читайте и распространяйте вашу рабочую газету „ГОЛОС ТРУДА“, которая издается и контролируется самими рабочими.

„ГОЛОС ТРУДА“ издается уже шестой год Федерацией Российских Рабочих Организаций Южной Америки в Буэнос Айресе (Аргентина)

„ГОЛОС ТРУДА“ является борцом за полное освобождение рабочих от политического и экономического гнета.

ГОЛОС ТРУДА борется против всяких правительств, диктатур, переходных стадий и т. п..

ГОЛОС ТРУДА борется за полное освобождение человечества от всякого насилия и гнета,—за свободное общежитие, за АНАРХИЮ!

Условия подписки: на 1 год - - 5 п. б. (2 п. з.)
6 м. - - 2 50 „ (1 „ „)
3 „ - - 1 25 „ (050 „ „)
Отдельный номер - - - 10 сент „ (5 с. з.)

С 1 Августа начинает выходит ежемесячное ПРИЛОЖЕНИЕ „Голос Труда“.

Условия подписки: на 1 год - - - 1.50
6 м. - - - 0.75
один номер - 0.10

Корреспонденцию и денежные периводы просим направлять по адресу:

V. Kitra, Casilla de Correo 1752, Bs. Aires (Argentina)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА;

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ, РАБОЧУЮ ГАЗЕРУ;
„АМЕРИКАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ“

Орган Российских Рабочих Организаций в Соед. Штат. Северной Америки и Канады.

В числе сотрудников „АМЕР. ИЗВЕСТИЙ“ имеются выдающиеся интернационально известные, писатели и журналисты: Жан Грав, Энрико Малатеста, А. Карелин, А. Солонович, Анатоль Консе, Поль Жиль (бельгиец), В. Худолей, И. Хархардин, Р. Эрманд, Анатолий Горелик, М—н и многие другие.

„Амер. Известия“—газета рабочая и для рабочих, потому что она издается на средства рабочих, принадлежит рабочим, контролируется рабочими и борется за освобождение и счастье рабочих.

Тиварищи—рабочие! Читайте, распространяйте и поддерживайте ваш рабочий орган „Амер. Известия“. Пусть с вашей помощью она снова станет Еженедельной газетой.

Подписная плата на 1 год - - 2 д. 50 ц.
6 месяцев - 1 д. 50 ц.
3 „ - 1 д. —

Приславшим полную годовую подписку 1 д. 50 ц., посылается бесплатно одна из следующих больших книг (по желанию подписчика) Т. Пэйна „Век Разума“ или Войнича—„Овод“.

Корреспонденцию и подписную плату просим направлять по адресу: *Americanskye Izvestia*, 273 E. 10-*th St.*, *New York*, *N. Y.*

КАТАЛОГ.

Книжного склада при „Раб. Изд. Группе“

КНИГИ:

П. А. КРОПОТКИНА: Взаимная Помощь как Фактор Эволюции - - - - - 2.50
в переплете - - - - - 3.50
„ Речь Бунтовщика - - 3.00
„ Государство его роль в Истории 0.40
ЖАН ГРАВА: Умирающее Общество и Анархия 1.50
П. ПОПОВА. Боги и Морль - - - - - 2.00
П. АРШИНОВА: История Махновского движения 2.50
Гонения на Анархистов в Сов. России - - - 0.50
Первая Конф. Анарх. Ор. Украины „Набат“ - 0.20
Ш. РУДЕНКА: „На Украине“ - - - - - - 0.20
А. ГОРЕЛИКА: Анархисты в Рус. Револ. - - 0.50
ОН: „К Творцам жизни“
Э. МАЛАТЕТА: „Наша програма“ - - - - 0.20

„РАБ. ИЗД. ГРУППА“ Ю. Америки приступает к изданию журнала анархической пропаганды. Первый номер выйдит в ближайшее время.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 17 02 06 010 0

Цена 30 с. (15 з.)

ИЗДАНИЕ
Рабочей Издательской Группы в Аргентине

1923 г.

Тип. „Гол. Труда"